

ЕГИПЕТ

(Отрывки из 2-й части путевых очерков „Офейра“)

97. Акхуд-Куффу и Уэр-Кхафра

Издали пирамиды—не велики; из песков попросунулись: два треугольника цвета пустыни; вон та—пирамида Хеопса: затуплена малой площадкой она; а вот эта—остреет вершиной; она пирамида Хефрена; меж ними боками углов опрокинут лазуревый треугольник огнистых небес; где-то сбоку затеряна малым торчком пирамидка; она—неприметна.

Акхуд-Куффу ¹⁾ тянется по наклону на множество метров ²⁾; ее ширина чуть не более ребер наклонна ³⁾; с тринадцатой стертой ступени чернеет отверстие входа, как малая топка. Уэр-Кхафра ⁴⁾ кверху торчит на сто тридцать шесть метров; ступеней же нет; верх красуется в розовом скользком граните; гранит этот выветрен.

Третья—Нутир Меккаура, простерта, как карлик под первыми ⁵⁾; и от нее не вдали укрываются три пирамидки ступенчатые, все укрываются боком Исопсовой пирамиды.

Та группа есть близкая группа; а дальняя группа встает у Мемфиса; закрыта она за валами песков; между группами путь чрез пустыню: на осликах (три, иль четыре часа).

Пирамиды стоят на песчаном плато; и змеится дорога

¹⁾ Пирамида Хеопса.

²⁾ 175.

³⁾ 210' аршин.

⁴⁾ Пирамида Хефрена.

⁵⁾ 66 метров.

сюда, защищенная камнем перил от ветров; у начала дороги туристов ждет трам, пробегающий в немость пустыни из пальмовых парков.

Сливаются цветом Ливийской пустыней бока пирамид (цвет пустыни изменчив, как море); сереют мертво желтоватые камни, едва забледняясь в еле видную пазелень; белесоваты на солнце поверхности бока; рябеют ступени тенями на боке, закрытом от солнца; цвета пирамид—серобелый и серожелтеющий; в них рябовато въедается злой серогрифельный тон. Оголенные камни—рябые какие-то от мертвеющих, тухнувших промутьей; промутьи в желтых налетах, с едва выступающей зеленью; в полдень галдеж красноватых рефлексов бросают бока; а к склоненью чуть-чуть лиловатая дымка воздушнит углы выпирающих граней.

Какой же тут цвет?

Он—такой, как пустыня, которая тускло сереет от грифельных впадин седого песка, где оттенки, въедаясь друг в друга, слагают рельефы, откуда протычились обе громадных вершины: два трупа, две мумии!

Англичанин Р. Хиченс, которого чувство Египта во многом созвучно с моим, великолепно рисует изменности красок в громадах Гизеа; передаю его слово:

„Всматриваясь вдаль за песками, я увидел пирамиду из золота, то чудо, которое создал „khufu“. Как золотое чудо она меня приветствовала после долгих лет моего отсутствия. Позднее мне предстояло увидеть ее то серою, как окружающие пески, то темно-сернистого цвета при дневном освещении, то черною, как памятник, облеченный в траурный бархат—при звездном освещении ночью, то белую, как гигантская, мраморная могила на утренней заре“... ¹⁾

И далее: „По мере того, как глубже изучаешь чудеса, созданные в Египте человеком, величие их все возрастает и все более подавляет наше воображение... пирамида, как и некоторые другие памятники Египта, высеченные из камня и скал, обладает какою то удивительною способностью держать себя вдали от всего окружающего, подобно душе

¹⁾ Роберт Хиченс: „Чары Египта в его памятниках“. Стр. 6.

человеческой, всегда готовой уйти в себя... Вы мало-помалу начинаете чувствовать все величие пирамид „ghizen“... Впечатление их глубокого покоя, классической простоты, значительно усиливается тогда, когда скрываются детали, когда они рисуются лишь черными формами, поднимающимися к звездам... Простота их форм внушает целый ряд... высоких порывов... Взор ваш медленно поднимается по каменным стенам... Сколько таинственного представляет собою контраст между основанием пирамиды и ее вершиною“. и т. д.

.....
Точно века заиграли рефлексом на этих облуплинах старого, ноздреватого бока; а тот—Уэр Кхафра—молодится; Акхуд-Куфу—морщится вся; Уэр-Кхафра—недоступна; меж складок морщинистых щек на Акхуд-Куфу ползают: паразиты-туристы, как вши, паразиты-феллахи, как блохи; Уэр-Кхафра—гордый богач, в розовеющем граннике шапки; Акхуд-Куфу—нищий: он шапку свою потерял.

Боголюбы. 911

98. Приближение к пирамидам

Замучило нас пирамид выражение ¹⁾).

Пустыня их кажет в фате из обманов; миражи струятся от ребер; и легкими танцами ходит рефлекс световых изменений; в кадриле „changez vos couleurs“ заиграло, вращая в огнистое небо,—громадное тело; оно—лиловело; прошли лишь десяток шагов—рябоватыми зыбями нежно оно зажелтело, став вдвое огромней еще пятьдесят лишь шагов—и вот каменно серой щепкой глядит... труп: в отусклении, в розвальне сброшенных кубов, то—гранных, то—рыхло округлых средь осыпей щебня, простершего всюду меж ног ноздреватую рухлядь.

Над серою грудой камней беловатый верблюд; в груди камня—зеленый верблюд; облетают, как листья, цвета; и себя на боку поедают все краски.

¹⁾ Wake the Origin and Significance of the Great Pyramid

Приблизились: с бешеной мощью Акхуд-Куфу прет раздвигаясь, надувшись в сплошную опухлину тяжелой болезни; и кажется: вот из земли выпираются тысячи, сотни и тысячи тысяч пудов: за гробницей гробница, за каменным кладбищем кладбище, сдвинувшись, сплюснувшись— прет: выпирает сплошной материк, заслоняя все небо; мы дышим не воздухом — камнем; и сотни веков побежали в обратном порядке навстречу.

Достигли до каменных кубов умершей планеты, свалившейся боком на землю: и вот—завалилась за плечи моя голова; и я вижу огромный, овал бредового и серого эллипса, телом ушедшего в землю: когда он упал, оборвал за собой атмосферу неведомых миров, пронизающих ныне меня; я кажусь себе гаснущим контуром выпуклин жизни; меж нею и мною провалы веков; через 5 тысяч лет прошагали от трама—до верха.

И не Георг VII царствует здесь, а... Хеопс.

- „Кто же «Я»?“
- „Что же все?“
- „Как же так?“
- „Я оторван“.
- „Вернуться нельзя“.

А Хеопс гоготнею летящих развалин неслышно гудит:

- „Да, да, да“.
- „Это—мы“.

.

И вот—пирамида; она—ноздrevато ужасна, тиха вне цветов и вне веса, вне всех измерений пространства и времени; дальше—туда! Если броситься вверх, то облуплины бока заузятся (сузив пространство вселенной) до малой площадки, которая вход—в иной мир, уже задувший своим сквозняком:

- „Слышите?“
- „Слышу“.
- „Ты—помнишь?“
- „Я помню“.
- „Что помнишь?“

— „Как мы до рождения в черножелтых пространствах летели... сюда: в саркофаг“.

— „Кто лежит в саркофаге?“

— „Душа, заключенная в сердце?“

— „Что это за камни?“

— „То—чувственность“.

.

Слов не сказали, коснувшись ужасного бока; сказали — потом; заручились в года мировые ветра, понеся до поро- тов духовного мира, где я, увидав, оборвался; а Ася промчалась туда.

— На массивы взвалились массивы: на них восходили: массивы; ступенчатый мир из массивов бессмыслился; нам показалось, что рухнет массивная масса: массивами.

Хочется сбросить ступени столетий.

— „Смотри“, показал я жене...

— „Как рыжее она“.

Возникают вдруг мороки: в ней есть и вес и цвета:

— „А пожалуй в ней нет ничего любопытного“.

Ложь восприятий плотнеет: с увлечением раздражения гаснет прирост впечатлений; и мы, постоявши, решаем:

— „Она—обыденна“.

.

Опять вспоминаю кошмар.

Мне казалось, когда был ребенком: невидимая грань вырастала, деля меня на-двое; „Я“, отделенный от „Я“ миллионами миль, беспредметно тянулся из ужаса мира к кусочку земли, на котором лежу „Я“ в постельке: к себе; дико вскрикивал „Я“ и тянулся к склоненному образу няни:

И слышал: стояли они у постели, шепчась:

— „Он кричит по ночам“.

— „Это, барыня,—рост“.

Прорастал в миллионах из темени, тщетно пытаюсь осилить растущую бездну.

И то ощутил я опять.

.

Современность не видит химеры Хеопса; она—невесома, бесценна; ее невозможно измерить и взвесить; и вот выра-

стают вокруг парадоксы журнальной пошлятины; вспомнил, что где-то читал: еслиб В* * пароход С* * кампании вытянуть вдоль по ребру пирамиды Хеопса, то носом просунется он над верхушкой; какая же право, в ней ценность, когда пароход превышает длиной ее рост.

Ужас, петля тебе, человек современности.

Боголюбы. 911. Карачев. 919

99. У пирамидального бока

Смотрели вверх: рябоватый, пролупленный бок; опу-
скалося солнышко:

— „Нам не осилить ее“.

Окружали феллахи.

— „All right“...

— „Prenez nous“...

— „Карашо“...

Мы молчим:— „Meine Herren!“

Какие же „Herren“ мы с Асей.

И вот: кто-то выкрикнул:

— „Orividerci“.

Кричали, визжали, жужжали они; мы решили хитрить; вероятно, ужасные жители этой планеты хотели завлечь нас наверх, полонивши в пустых своих ширях — средь камня; я издали их заверял:

— „Nein, wir wer den nicht“...

— „Aujourd'hui nous restons“...

— „Остаемся“.

— „А завтра подыдемся: в сопровождении ста человек..
с караваном верблюдов, с тюками „бакшиша“.

Они нам не верили; мы отошли, и—подставили спину;
они—дозирали.

Углом пирамиды искусно отрезали мы от дозора себя
мы—одни: голова из твердевших массивов просунулась,
застрекотала; огромным прыжком, надувая пышнейшие
складки абассий, на нас опрокинулся целый отряд этих
бронзовых дьяволов: быстро одни побежали в обход (по
песку), а другие скакали по метровым желтым массив ам

обскакивая, и — отрезая путь вверх заломались их тени, рябея в массивах; так заговор наш был открыт.

Мы писали круги вдоль боков пирамиды, приблизясь, а то — отступив, погружаясь в море песка; а абассии, взвев прозрачные шали, которыми кутали голову, — так же, как мы, записали круги вдоль боков пирамиды.

И вот, улучивши мгновение, придвинулись к боку, как воры: и стали карабкаться вверх, озираясь (не видят ли нас?), — задыхаясь от пыли и жару: в многомассивную вышину побежали, забыв ощущение бреда, которым провевал облупленный бок, закарбакались, одолевая усилием каждый ступенчатый выступ.

Ужасное вспрыгивание, где прыжок со ступени на острые грани ступени — событие; третья, четвертая, пятая: уф! отдышались: шестая. А всех их — сто сорок.

— „Смелее: вперед“.

Я — назад не глядел: видел только ступени: ту самую, над которой я вспрыгнул, да ту, на которую надлежало подпрыгнуть; и —

— „Гоп!“

— „Восьмая“.

— „Девятая“...

Слава Богу, — десятая: сто еще тридцать!

А сердце стучало, а ноги 4 дрожали; пятнадцать ступеней осилили мы; на пятнадцатой — мы повернулись: стояли — высоко, высоко: массивная высь завалилась: без верха.

• • • • •

Тут снизу заметили нас; точно черные пъявки запрыгали снизу — за нами: вдогонку. Я чувствовал воров себя; чернокубовый дьявол, схвативши за руки меня, с высоты трехэтажного дома кричал на меня, обрывая стремительно вниз; потащили обратно, сдирая с массивов, и грубо пихая, как камни, которые сбрасывают с вышины островерхих оврагов — мальчишки; я вдруг обозлел:

— „Погодите, спущу вас, негодник, по желтому низу“.

— „Останьте: спихну“.

— Как вы смее“.

Он же, он—смел; он пихал меня в спину; я прыгивал все же:

— „Восьмая!“

— „Седьмая!“

— „Шестая!“

И—

— „Пятая!“

Ух,—остановка; пинек: поскакал,—и

— „Четвертая!“

— „Третья!“

— „Вторая!“

Пинек: на земле:

— „Как вы смеете?“

Стал я махать своей палкой на дьяволов: все же толпа их тащила от бока.

Куда?

Вдруг я жалобным голосом стал обещать „бакшиши“; мне ответили: великолепный „бакшиш“ не уйдет при условии, что моя жизнь сохранится; а если мы с лэди полезем одни, то, как тот англичанин, который... мы тут разобьемся; прекрасный „бакшиш“ ускользнет.

Тут осыпали мы друг друга упреками; я поглядел с величайшим презрением на хаху, которая подтащила меня к малой будке, откуда просунулся тощий чиновник; и—что же? Взяв сторону дьяволов, строго сказал он:

— „Во первых, полезли наверх, не заплатив податей“.

— „?“

— „Во вторых: вы не дали расписки, что сняли ответственность с администрации пирамид за свою, мистер, жизнь и за жизнь этой лэди“...

Мы дали расписку; и даже: внесли подать мы; легализация нашего права разбиться взяла все же время: где солнце? склонилось оно. И теперь оставалось скорей пробежаться до Сфинкса; пришлось отложить разбивание до соответственных дней.

100. Сфинкс

Опустело плато пирамид; полицейский бросал на пески свою тень: египтянина, временами фараона Рамзеса Второго; у ног вдалеке заблестал „Mene House“, расположенный прямо в пустыне, у склона плато ¹⁾; долетали откуда то гамы феллахов; гудел на Каир побежавший трамвай; с горизонта, из облака пыли, глазели огнями каирские окна.

Покрытые пылью и бредом сидели в тропическом садике, у „Mene House“ пили чай; белоснежные слуги, пылая карминною феской и поясом, бегали мимо; и веяли белые складки абассий; и бил тусклый гонг из отеля; с веранды, покрытой тропической флорой, шли надушенные лорды и лэди во фраках и в балльных белеющих платьях: к обеду; мы долго сидели в тропическом садике; ночь опускалась на землю.

Уже в половине десятого вышли в мир тусклостей, шорохов, теней (в отверстиях гробниц саркофагов, немых мастаб — открывались гнездилища томной египетской грусти); пространство в испуге присело на землю, развеяв по ветру вуали теней; и из ног родилась моя тень от лукавого месяца, севшего в пальмы.

Прохладно, прозрачно над нами летучилась ясная, неизъяснимая синь с припадающей низко к земле семизвездной Медведицей; вспомнил, что будто бы можно теперь наблюдать с горизонта на нас выползающий Крест ²⁾; к Ассуану ³⁾ подкрался уже тропик Рака: жарю.

Белели молчно туманы песков; в темно-кубовом воздухе, точно в настое из звезд, задышав синеродом, купалась вершина Хеопсовой глыбы; на ней осаждались ярчайшие звезды, каких я не видел в Европе; и тембр голосов стал зеркальным металлом; а шали, чуть-чуть фосфорей на месячном блеске, пушили феллашские головы; и облачками трепались на небытийственной черни хитонов; они приставали.

¹⁾ Mene House — всемирно-известный отель.

²⁾ Южный Крест.

³⁾ Город верхнего Египта.

— „Avec moi“...

— „Signor“...

— „Herr“...

— „Карашо“...

Подвели двух хорошеньких осликов: можно ли было вернуться в Каир в эту ночь?

Побежали на осликах: в мареве белых песков по пустыни.

Потом повернули на Сфинкса; вот снова подъем на плато; вот ширеет песком седловина между Акхуд-Куфу, Уэр-Кхафра; вот и спуск по ту сторону; вот и... но что тут сказать?..

.....

Время Сфинкса не точно известно ¹⁾; стоял уже тут когда первую груду Хеопса (квадратный массив) волокли на гужах голоногие массы людей; пятьдесят слишком метров объемлют облупины старого тела; оно не высоко торчит из песков; с основания лапы до темени—двадцать лишь метров; стремится к востоку его голова; на лице усмотрели следы бывших красок; столетием ранее высилось только лицо; поотрыв это тело, меж лап отыскивали изображение фараона Тутмосиса; в письменах извещал фараон вереницу грядущих столетий о сне своем, здесь, под тенями громадной главы отдыхая от львиной охоты, заснул фараон; и само Божество посетило во сне, умолая, чтобы он раскопал из песков Божество; фараон раскопал тело Сфинкса; песок постоянно его засыпает; недавно еще были видны огромные лапы; теперь под песком они снова.

Пустыня—вне цвета; вне-цветны цвета пирамид; и вне-цветен цвет Сфинкса; лишь спереди он темноватей лицом; то—от ветхости; все оно в скважинах; движутся тени из скважин: играет лицо; ни минуты покоя: дрожит от потока душевных движений, потоком душевных движений бросается в воздух он шесть тысяч лет; все пространство земли переполнено зыбью душевных смятений и мимикой Сфинкского лика; он—ток электричества; двигатель мира; бросает загадками; эти загадки, как кольцо воздушных волнений, ширея

¹⁾ Недавно его еще исчисляли в 5.500 лет; по новейшим данным время это более 5000 лет.

расходятся: сфера за сферой; в Нью-Йорке, в Мельбурне, в Москве слышат их; на луне, за луной и, быть может, за солнцем еще расширяется лет авангардов загадок; фелдхат гласят:

— „Не глядите в лицо!“

— „Безнаказанно в очи Божеств не взирают“...

И вот Бонапарт:—отбил нос голове, выпалив пушкой в него, и... был брошен на остров Елены...

Я помню, как ослики пересыпали ногами песок; проводник погонял их, едва поспевая за нами (бежал он); клочком голубого тумана тянулась по ветру прозрачная шаль от его головы; мы летели на кубовых блесках из кубовых блесков по кубовым блескам; когда под ослиным копытцем сбежал теневой, точно феска, обрезанный конус Хеопсовой глыбы, и стало кругом—молоко под ногами, мы вскачь понеслись по наклону к желтевшей змее с человеческой головой: таким кажется сзади и издали тело чудовища.

Это был Сфинкс...

Сфинкс сидел в котловине, подъявля свою головную громаду из вычерпан старых раскопок, сложивших вокруг его вал из песку; на валу оживленно болтала какая то кучка туристов; стоявших пред ямами глаз (пустых глаз): под массивами подбородка не раз разрывалась белейшая вспышка: жгли магний, чтобы лучше увидеть Его; и бледнела смертельно глава в этих вспышках, как будто под градом обид; вознесясь над подковою вала, глядела поверх наших туловищ, тщетно моливших божественных взоров; глядела за мглу горизонта—туда, где шумели ливанские кедры и розы Сарона цвели: там была—Палестина; туда—глядел Сфинкс.

И более получаса сидели под Сфинксом, одолевая круги выражений большого Немого лица: идиотское выражение сменяло, летя, эфиопское; - зверское, трупное, каменно-титаническое, царственное, люциферическое, духовное, ангельское, и—младенчески—чистое; так, как бежит за волною волна,

так бежали, сменяя друг друга, круги выражений; и вдруг, закружась в единство, круги выражений сцепились в одно выражение: и—прародимое время проснулось в круг выражений—времен зашептать:

— „Да, ты—знаешь...“

— „Ты помнишь...“

.

— „Что? Что?“

— „Что я помню?“

— „Что времени больше не будет?“

.

— „Ты—знаешь. Ты—помнишь...“

.

— „Я—знаю, я—помню, но... что?“

.

Ослепленные Сфинксом прошли от него к... храму Сфинкса отрытому сверху и с боку: пришлось опускаться нам вниз меж огромных гранитов прочнейшей укладки; у входа, бегущего вниз, замирал озаренный луною феллах, драпшируясь таинственно в темные складки абассии и распуская по ветру сквозную, кисейную шаль; он склонил свою голову, нам дымовая, как в беленьком облачке, в шали своей; и—повел круто вниз по ступеням с тяжелыми плитами в сжатую т—образную комнату; здесь потолок есть лишь уровень взрытого грунта; он—кубовый, в звездах; и—месяц там ходит; он—небо над нами; лишь кубы гранитов здесь, там, разрежали небесный квадрат; на одном, прижав голову к корточкам, тихо уселся феллах, дымовая прозрачную тканью; и—каркал над нами:

— „Я вам погадаю, *monsieur et madame!*“

Мы прошли в коридор, укрываясь в гранитные ниши; их время относит к... до пирамидному времени.

.

Снова на осликах; рысью сечем перламутры песков— к пирамидному храму: он—розвален глыб: хаос глыб, избеленных луной; и—опять отдыхаем; в белилах луны два феллаха, как черные дыры: отверстием прошлых веков к неживому пространству веков.

.

Мы едва поспеваем к последнему траму в Каир (уже— полночь: по случаю лунных ночей нынче бегают трам в этот час к пирамидам); бросаюсь к площадке; и—трам улетает; площадка (набита людьми; сыро ежимся под леденящим порывом; ночь вдруг изменилась; повеяло холодом; бешеным визгом и вспышками полвнит несущийся трам неживую равнину; и—вот уже травы; среди них—пролысения; травы прогнали их: вилочки, виллы, кусточки, сады; вот—садищи; вот—пальмы; предместье Каира, Булак; вот и мост Каер-ель-Нил: пересадка.

Лишь в два часа ночи вернулись.

Боголюбы. 911

101 ЕГИПЕТ

Пишу эти несколько слов через восемь томительных лет; впечатленья Египта со мною повсюду; Египет—во всем: и в туманно глаголющем Лондоне, как и в Берлине, прошел предо мною он; подстерегает меня он в Москве; выявляется гибельной мощью в стремленьях и вкусах, поет декадансом; понятен он всюду: он—всюду.

В египетском плене мы точим под бьющим бичом неживые массивы культурою возводимого пирамидного трупца: под каменной глыбой продавится скоро земля.

Вспоминаю: отчетливый ритм наслоения эпох образует семь образов жизни семи проходящих культур, где четвертая — неповторяема, пятою сражается третья; в шестой воскресает вторая; в седьмой прорезается первая: 1) Индия, 2) древняя Персия, 3) древний Египет, 4) Рим, Греция, 5) наша эпоха—проходят одна за другой; наша—пятая; в ней прорезается третья: Египет.

Он—с нами; он—в нас: коридоры квадратного мрака глухих подсознаний души пробегают до мумии нашей, лежащей в гранитном гробу: среди песков.

В Египте повернуты мы на себя: наши страстности ссохлись: проплюснулись в мумию; мумия эта спокойно лежит в саркофаге, пока не понижит сознание наше ее—в нас самих: и она восстает двойником, нападает испугами

видим тогда, что Египет таскаем мы всюду; Египет Второй, из которого должно бежать,—европейская жизнь; учреждения ее—катакомбные затхлости; мы в коридорах, зажатых повсюду массивами зданий (в Москве, в Петербурге, в Берлине, в Париже) казимся: египетской казнью—за прошлое наше; Египет есть Карма; ее мы должны искупить: проработать в себе; только в этой работе—исход из Египта.

Пока—в безысходности мы.

Мне в Египте впервые открылся Египет Второй: наша жизнь; просквозила она транспарантом; гласящими иероглифами поглядела Москва на меня, когда я возвратился в Москву; и богиня Гатор распростерла вокруг меня древние тени: песьеголовых и птицеголовых шпионов своих из загробного мира; надев котелки и приклеивши усики к лицам звериным своим, замелькали они, выгоняя меня из Москвы, выгоняя из Брюсселя, из Парижа, из Лондона; мы бежали по странам и весям Европы; Египет тянулся за нами по Черному морю своей непокойною ратью: нас гнал фараон.

Исход из Египта, отплытие в обетованную землю совпал с осознанием ужаса современной культуры; у Гроба Господня мы дали обет: не вернуться; и мы не вернулись в Москву: в наш Египет Второй; по Москве пролетали лишь тени—не мы; и теперь в тот трудный, мучительный год по московским разбитым, разрушенным улицам тень пробегала моя: Я же был в аравийской пустыне, где ныне еще разбиваю палатку; сороколетнее странствие не окончено.

То, что увидено мной в „Петербург“ (в романе) увидено мною впервые в Египте; и нити, связавшие нас с „Мусagetом“, издательством, принадлежащим друзьям, были сорваны здесь „мусagetским“ письмом: то Москва нанесла свой египетской едкий удар—на египетской почве; исход из Каира был нам, как я понял, началом московских исходов.

Касанье к египетской почве, плененье в Каире и бегство оттуда ко Гробу Господню,—все то оживает во мне

точно некий египетский знак, посвящающий в трудности сороколетнего странствия; рать фараона еще угрожает: скоро поднимутся волны ревущего моря (война, революция, голод, мор, что еще...?),—смоют культуру Второго Египта: восстанием Первого—в недрах души:

— „О, познай себя,—ты: человек современности!“

Видел в Каире облик Рамзеса II; когда я склонялся к нему, распростертому под стеклянным, сквозным колпаком, наблюдая белевшие зубы, сквозившие между сухими губами, он мне усмехнулся:

— „Ты помнишь?“

— „Познай себя!“

Карачев. 919

102. ВНОВЬ ПИРАМИДЫ

Зной марта: нет воздуха; кровь бьет в висках; трам—уносит опять к пирамидам: Гизех.

Сумятица станции; снова феллахи в нас целятся злыми крючками носов, переругиваясь, пронизывая над собой и над нами; и все же добившись всего, что им нужно от нас: Ахмет-Хаха идет, закрываясь в складки абассии; робкою прорезью тихих мечтательных глаз, упреждает отказ: отказаться невозможно; и он затаскает опять по песку, пока вы, обтирая стучащий, расплавленный лоб, не обрушитесь грузно на край саркофага; и тот же проходит строй осликов в красных помпонах—с плато; и качается строй белогорбых верблюдов вокруг грациозными шеями; важно расселись на белых горбах англичане; высоколукими седлами, красками ковриков пестро украшены спины верблюдов; несут паланкин; в паланкине—седой паралитик несется: уареть пирамиды; вон тот—гелуанский больной; он—чахоточный.

Солнце склонялось; расширилась там на Каир пирамидная тень,—на Каир она двинулась; там же теперь отусклялися взгляды, и руки, дрожа, опускали бокалы вина,—оттого, что пошла на Каир: тень веков.

Серогрифельный бок рябоватой громадины высился наискось—вверх; вздернув голову, видел, как высями лепятся люди на боке, как кучечки маленьких оловянных солдатиков, или травинки, проросших из камня; все краски с них слезли; вон лепится кучка туристов; и выше, и ниже—по кучке: на пирамидном ребре: скачут в выси, как блохи; вон новая кучка открылась на новом ребре.

Я измерил массивы: метр,—более метра; скачки—велики; и опять вздернул голову: не разберешь—опускаются, скачут ли вверх: так луна неподвижно висит в небосводе, а если вглядеться, то можно заметить движение ее: так и эта висящая кучка: она—опускается.

В солнце вьедается пыль; лет пылинок и грозен, и тих: горизонты—в египетской мгле; отупенье громадного верха восходит испугом в египетский пепел; час пробил: наверно теперь из своих саркофагов выходят озлобленно песьеголовые мумии; и тишиною хеопсовой полнятся ревы в Каире; золотокарие промуги: пятна беззорных свечений; последняя кучка туристов над нашими головами, спускаясь, скачет с массива на желтый массив; пролетает, пыхтя, толстоногий, взволнованный мистер; над ним пролетает крикливо галдящий, коричневый дьявол, толкающий мистера в спину под ним скачет дьявол снимающий мистера с желтых массивов, чтоб ловко поставить его на массивы; два дьявола ловко играют в пыхтящего мистера, точно в подброшенный мяч: он—летит:

— „Бух!“

— „Бух!“

— „Бух!“

Так бросаема лэди; и так же бросаемы бэби; мы—вспрыгиваем им навстречу (теперь—разрешение есть: нам разбиться... без дьяволов); все таки, видим, что вверх нам одним не взойти: мы сидим на тринадцатом тусклом массиве; у нас за плечом расширяется черным жерлом душный вход в пирамиду; и дышет жарою на нас: мы решили, что если опустимся внутрь пирамиды,—задохнемся.

Вот уже пусто плато: мы бросаем испуганный взгляд в убегающий верх:

— „О, нет: не сегодня!“

— „Ты хочешь отсрочить?“

— „О нет, уже—поздно: опять опоздали“.

Ужели осилим мы в двадцать минут эту высь, как сказали нам? лучше часами карабкаться: сходим к подножию; и пробираемся к западу: там—пирамидка; их—три: по пятнадцати метров, не более; это—могилы: здесь сохнут века фараоновы дочери (по Геродоту—Хеопса); и так говорит Марриэтт...

Пирамидки когда-то стояли у храма Изиды.

Проходим на юг: тут ряды—мастаба^{*}); так арабы называли особую форму гробниц, состоявших из малых надземных построек, наклонно склоненных друг к другу, желтеющими известковыми, или даже кирпичными, стенами; смеси песка с легким камнем—кирпичики стенок; вся форма гробнички есть „пэ“; иногда мастаба открывала в подземную комнату вход; иногда в ней видна была ниша, а сверху площадка; могильный колодезь поблизости где-нибудь черной дырою зиял (глубиной в двадцать метров спускался он вниз); мастаба, окружившие нас, вероятно относятся к пятой Мемфисской династии; здесь погребен благородный египетской муж: он—эпохи Снофру.

Мы идем на восток: все гробницы—четвертой и пятой династии; здесь—упокоился прах сыновей фараона: Мераба и Сафкихоптом их звали когда-то...

.

Мы молча сидим на песках, приседая у камня: перед нами торчит незасыпанный вход в мастаба; желтенеют луной невысокие, плоские стены; друг к другу слегка наклонились они; прямоугольные плиты их сверху сдавили, чуть-чуть выступая за стены; здесь нет ни души; и до ужаса черная, четкая тень от гробницы лежит на песке; и чернеет отверстие входа.

.

*) „Мастаба“ по-арабски—лавочка“.

Мы часто здесь бродим; жена моя к вечеру приезжает сюда: зарисовывать Сфинкса; его голова передаваема только гравюрой,—не красками.

Боголюбы 911

Андрей Белый

